

переводы Вторжение

В обычном, будничном ритме люди мало проявляют себя, особенно это относится к так называемому нордическому характеру. Здесь приметам служат внешнее спокойствие, невозмутимость, твердость в суждениях, истинное лицо. Чтобы заставить их раскрыться, существует надежный способ - наслать испытание. Например, такое, какое выпало персонажам романа Ларса Сунда «Один счастливый остров» (издательство «Текст»), перевод с шведского Лидии Стародубцевой.

На отдаленном архипелаге, островной части неопределенной скандинавской страны (Финляндия?), происходят невероятные события - нашествие утопленников. Вместо утопленников могли бы быть инопланетяне, морские чудовища или иммигранты, суть от этого бы не изменилась, здесь важна проверка характеров и человеческих качеств мужественных, привыкших полагаться только на себя островитян.

Забавное совпадение, но стихотворение А. С. Пушкина «Утопленник» достаточно точно передает краткое содержание романа Сунда («Тятя! тятя! наши сети...»).

Дети местного жителя на рыбалке находят утопленника, скрыть страшную находку не удается. (Он потопленное тело/ В воду за ноги тащит.) Как и опознать тело при официальном расследовании. (Аль ограбленный ворами / Недогадливым кулец?)

У Пушкина мертвец возвращается в дом к крестьянину, у Сунда остров просто заваливает десятками тел. (Безобразно труп ужасный/ посылел и весь распух.) Все небольшое местное население напугано и подавлено случившимся, назревает кризис власти. (Страшно мысли в нем мешались/ трясся ночь он напролет.) С ужасом жители ожидают прибытия новых утопленников - откуда они берутся и что с ними делать? На этой несколько абсурдной ситуации и проецируются главные персонажи.

Все нехорошее, темное сразу же пошло наружу. Началось-то с малого, злополучные дети, на самом деле великовозрастные братья-близнецы, снимают с мертвого тела новые джинсы - чего добру пропадать.

Привычный уклад жизни необратимо нарушен, остров ожидает серьезные перемены. Недобрая молва грозит прекратить поток отпускников с материка, основу благополучия жителей.

Кто-то не пережив случившегося, умрет, кто-то исчезнет без следа. Священный откажет от сана, местный политик оставит честолюбивые мечты о карьере. Жены разведутся с мужьями, а кто-то, наоборот, сплотившись в общей беде, обретет надежду на спасение от одиночества и смысл существования.

Иронично обигравает Сунд тезис о счастье проживания на отдаленном, скудном на блага и ресурсы острове.

Весь общеизвестно, незavidна участь малых городов с остающейся промышленностью, массовым бегством молодежи в большие города, умирающей патриархальной жизнью. Вместо роста населения и экономики процветает и переполняется пока только местное кладбище.

Начавшись почти что с курьезной ситуации, изображая прелестные провинциальные сценки в духе «черного юмора», роман перерастает в притчу, нравственную историю о долге, совести, веротерпимости каждого человека.

Подвергнутые суровой проверке островитяне в целом своей экзамен провалили, но это все же художественный вымысел - поле гипотетических социальных экспериментов.

Александр ПЛЕТНЕВ.

Фантазмагории в Стране Трюкании

проза

Имя актера и каскадера Александра Карина, снявшегося в более чем ста фильмах («Эскадрон гусар летучих», «Русь изначальная», «Ярослав Мудрый» и др.), стало известным еще в 1970 - 1980-х. С 90-х он посвящает себя писательскому труду, его прозу отмечает Владимир Максимов, а известный французский писатель и переводчик Жан-Луи Гуро, сотрудничающий с парижским издательством «Ашетт», включает его цыганскую сказку «Золотая лошадь Мара» в «Антологию европейской поэзии и прозы», затем - в книгу «Любовь и лошади». Учитель Александра, Ролан Быков, так охарактеризовал его литературное творчество: «Очень талантливо, умно, изобретательно, смешно. Фантастический реализм? Сюрреализм? Да, но сколько иронии и - здоровья!»

Как и прежде, в новой книге прозы «С атомом в сердце» (Издательский дом «Сказочная дорога») авторские лики Александра Карина чрезвычайно разнообразны: от сказочных форм (цикл «Цыганские сказки»), от философской притчи («Тайга»), от гротеска («Смерть ножица») до фантастического фантастического («Выстрел из будущего»), от «жесточкого реализма» («Псы») до пародии, граничащей с трагикомедией («Корова Чайка»).

Изычными штрихами, умелыми приемами автор водит читателя в свой необычный мир. И вот мы становимся со-

участниками разыгрываемого перед нами действия: то авантюрино-приключенческого (как в рассказе о золотой лихорадке «Спасатель»), то вызывающе-загадочного, увлекающего в дали исторической памяти о Руси времен борьбы с татаро-монгольским игмом, как в рассказе «Хищники»: «Визжала и неистовствовала дьявольская сила. Кидалась, как зверь, на людей, но вдру в тылу задрожал горизонт от грозной конницы, и орда дрогнула - ловушка! Кочевники бросились в степь. Весь день преследовали их русичи, отбили обозы и пленники, вернулись к реке. Дымилась копыта, помогали раненым женщинам, бродили лошади погибших».

Романтизации действительности в цикле «Цыганские сказки» сопутствует мифопоэтическое начало. Земля и Солнце, Южный Ветер и другие природные силы становятся самостоятельными героями в сказочном мире грез

и фантазий: «В одну из теплых июньских ночей, когда бархатный плащ темноты, кружась, опускался к Земле, а оставшее Солнце уже пряталось в жарких своих кузнях, возвращался из дальних странствий старый Южный Ветер... Подобно древнему Пану, притаился он в кустах у костра и, широко открыв глаза, залюбовался красавицей-плясуньей» («Степь»).

Рассказ «Тайга», посвященный проблеме отцов и детей, открыто реалистичен, насыщен натуралистическими смыслами и в своем решении проблемы поколений обращен к традиционной теме преступления и наказания. Сюжет о замышляемом сельским парнишкой наказании злого отца причудливо накладывается на вечные мотивы утраченного рая, змия-искусителя и - вкушения плодов познания. Возненавидевший обидчика-отца мальчика отправляется в тайгу, чтобы «поймать змею, привязать ее за хвост и пустить к нему по полу: будешь пить? Будешь маму обижать? А потом, когда он взмолился, наступить змее на голову и раздавить!» Однако тайга - главное действующее лицо, незримо присутствующее в повествовании и как бы утверждающее нравственную правоту природных законов, - решает по-своему, наказывая вздумавшего играть с судьбой парнишку. Незадолго до этого парнишка, вышедший из леса, проводит в оцепенении несколько мучительных дней. Наконец-то освобожденный и вернувшийся домой мальчуган оказывается... совсем седым - он начинает напоминать своего умершего отца, и

ему словно даруются функции последнего. Уроки тайги придают ему мужества изгнать отчима из дома и защитить мать. Неся в себе мотив непредсказуемости судьбы, финальная фраза рассказа - «Тайгу с тех пор и люблю, и боюсь - она как душа человеческая - в ней есть все...» - утверждает натуралистическую идею единства природы и человека.

Герои Александра Карина все разные, непохожие друг на друга. Но это лишь внешний ряд. В глубине же таится нечто большее, свойственное, к примеру, романтическим героям Джека Лондона, попадающим в экстремальные ситуации и выходящим не только волю к победе над ними, но и умение преодолеть препятствия. Наверное, именно эта приверженность к героям, которыми движет стремление преодолеть силу обстоятельств - пусть в воображении, пусть на краткий миг - и подвигло некогда Александра Карина к рождению образа заповедной «Страны Трюкании». Страны, где возможно невозможное, где осуществляются самые заветные мечты, самые смелые фантазии и грезы.

«Верю, что такая страна действительно существует, - признавался Карин в своей автобиографической повести, которая так и названа: «Страна Трюкания», - и каскадеры уходят туда... Точно наша география Трюкании - огромные, до горизонта, лагуны... Никакой политики, кроме любви. Всегда тепло, ибо над страной простирается длань Бога, противящего наши вынужденные «самоубийства». Земля эта украшена цветами, гейзерами и табунами лошадей»...

Алла БОЛЬШАКОВА.

Пелевин перед пустотой

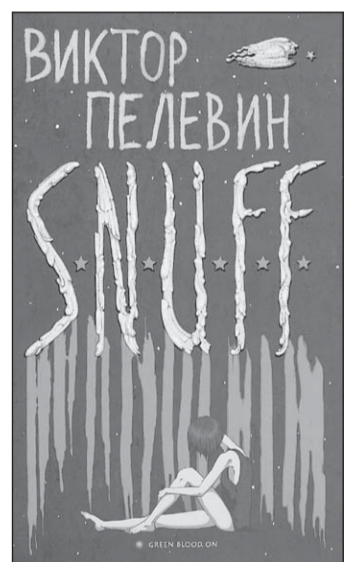
впечатления

Литературная ситуация с кумиром конца 90-х годов, одним из самых популярных писателей того времени - Виктором Пелевиным - довольно любопытна. Вот уже много лет читатели и критики, недолюбливающие Пелевина, предостерегают близкий конец этому «литературному проекту». Те же, кто относится к Виктору Олеговичу с пиететом, с нетерпением ждут выхода очередной книги своего кумира (а Пелевин издает по одному роману в год), чтобы убедить себя, что их оппоненты неправы. Сам же Пелевин продолжает оставаться коммерчески успешным писателем, подкидывая дрова в полыхающее пламя этого спора. Так, два года назад его книга «Т» довольно сильно разочаровала публику, но вышедшая в прошлом году «Ананасовая вода для прекрасной дамы» оказалась довольно удачной, стало ясно, что «хоронить» писателя еще рано. И вот вышедший в этом году роман «SNUFF» (издательство «Эксмо») опять вызвал оживленные споры о том, что происходит с писателем, неужели Виктор Пелевин выходит окончательно.

Действие происходит в далеком будущем. После атомной катастрофы мир оказался поделен на «верх» и «низ». Внизу, на земле, на унылой равнине копошится дегенеративное племя орков, нищие, свирепое и воинственное. Их государствоное устройство, насквозь коррумпированное, именуется Уркиной, пьют они жидкость, которая называется «воля» и курят некий «дуриан».

Каждый год, иногда и по два раза, у них начинается война с «верхом». А «верх» - это технократическая цивилизация по имени Биг Биз, которая зависает над Уркиной в огромном шаре, прикрепленном тросом к земле. Это высокотехнологический рай, построенный на иллюзиях. В самом шаре тесно, однако с помощью 3D-проекции в зависимости от своего бюджета ты можешь заказать себе любой вид за окном - хоть Рим, хоть Вену или Париж (их больше нет, восстановлены по старым фильмам).

Этот мир, придуманный Пелевиным, настолько причудлив, сложен и странен, что на протяжении всей книги Пелевин главным образом и занимается тем, что его описывает. Герой только тут нет! Главный герой книги оператор Дамилола Карпов - «оператор live news» (живых новостей) работает, не выходя из дома, его камера, вооруженная на всякий случай ракетками, летает сама и управляет дистанционно. Так называемые «живые новости» больше напоминают кино, чем отражение реальных событий. Вместе с оператором живет робот-кукла - сура Кая. Но она настолько совершенна, что благодаря выбранной настройке может вести себя как настоящая женщина, то есть устраивать скандалы и сцены ревности, и даже умудряется оставить Карпова без денег («манит») на языке Биг Биза и убежать с влюбленным в нее орком (жителем Уркины) Грымом. Для того чтобы написать стихотворение или статью, достаточно ввести несколько ключевых слов в специальный «доводчик». Также медики научились менять пол

обитателей Биг Биза без операции и через мозговую индукцию, выращивая нужные органы и железы естественным путем.

И так получается, что сюжет этой книги оказывается чем-то вроде приложения к описанию этой постинформационной эры. Если вывести за скобки весь растянутый на сотни страниц рассказ про этот странный мир, в котором реализованы все мечты и фантазии, то не очень и понятно, что останется в сухом остатке. Разве что вялая любовная линия отношений главного героя орка Грыма и суры (девушки-робота) Кая, которые в конце убегают вместе. Эту коллизию нельзя назвать ни свежей, ни оригинальной. У жителя Биг Биза есть возможность реализовать все свои заветные желания. Что, впрочем, не приносит им счастья, но это тоже мысль не новая. Еще когда

было сказано: «Бойтесь своих желаний, они имеют свойство сбываться».

Как ни странно, но в этой книге нет обычных для Пелевина философских игр в слова и понятия, зато, как всегда, присутствует социальная и политическая сатира. Правда, в значительно меньшем количестве, чем обычно у Пелевина. Например, сами снафы, которые снимает главный герой, неплохая пародия на новости, которые показываются сегодня на нашем телевидении. Так же как и в этой книге: «И все туда, - он кивнул вверх, - на счета идет. А у них закон: украл сто миллионов маниту, сразу почетный гражданин Лондона и орский инвестор».

Колкие фразы, конечно, несколько оживляют повествование, но они встречаются так же редко, как ядрышки перламутра на морском дне. Изредка в книге можно обнаружить и фирменные пелевинские каламбуры, остроты, метко схваченные детали. Но все это погружено, как я уже говорил, в растянутое и нудное описание мира орков и Биг Биза. И поэтому читается тяжело и скучно. Совсем не так, как описание других пелевинских миров и вселенных. Игра с пустотой - любимый пелевинский прием, его метод и способ существования в литературе. Но эта книга первая, в которой Пелевин, действительно, приблизился к пустоте вплотную. Впрочем, может быть, еще не все потеряно, и следующий роман Пелевина будет удачным? Осталось дождаться следующей зимы, когда выйдет его очередная книга.

Александр СЛАВУЦКИЙ.

Извечная тема дискуссий

наследие

Государственная публичная историческая библиотека России представила читателям переиздание книги известного государственного и общественного деятеля К. А. Скальковского «О женщинах. Мысли старые и новые», впервые увидевшей свет в 1886 году. Она рассказывает о том времени, когда только начал зарождаться русский феминизм, о взглядах автора на психологию и место женщины в обществе. Книга наполнена удивительными наблюдениями, полна едких замечаний, многие из которых остаются актуальными и по сей день. Мы побеседовали с Еленой Николаевной Савиновой, кандидатом исторических наук, человеком, проделавшим колоссальную работу по составлению комментариев с единственной целью - сделать текст доступным и приятным для читателя.

- Елена Николаевна, переиздание старых книг сегодня стало крайне популярно, чем эта тенденция обусловлена?

- Если говорить об исторической библиотеке, то она несколько лет назад приступила к осуществлению проекта по переизданию редких книг, которые уже не могут выдавать читателям, настолько они пришли в ветхость и негодность. Большинство из них востребованы, но до сих пор не переиздавались. Многие написаны для читателя девятнадцатого века (встречаются и более ранние), все они требуют переработки, чтобы стать доступными для читателей.

Сами понимаете, тогда была определенная культурная среда. Если говорить непосредственно о Константине Аполлоновичем Скальковском, то его намеки, каламбуры, беглые замечания «той» публике были понятны, но сейчас связь веков разорвана, поэтому книга требовала большого предисловия и серьезного комментария.

- Книга Скальковского «О женщинах. Мысли старые и новые» стоит особняком среди его работ или есть другие на эту тему?

- Нет, других похожих у него нет. Вообще для России того времени ее издание стало настоящим шоком. Ничего подобного до этого времени на прилавках не появлялось. Более того, за неподобающее время ее переиздавали одиннадцать раз. После смерти автора издавать перестали, и сегодня обычному читателю фамилия Скальковского ни о чем не говорит. С его работами хорошо знакомы лишь экономисты и исследователи банковского дела.

- Если книга Скальковского двести лет назад произвела настоящий фурор, да и сегодня многие в ней может послужить началом ожесточенной дискуссии, то чья же была идея подарить издание вторую жизнь?

- Именно эту книгу библиотеке предложила я. Так как до этого писала для энциклопедии «Экономическая история России» статьи об истории предпринимательства и успеха хорошо познакомиться с деятельностью Скальковского - крупнейшего чиновника, очень влиятельного эксперта в области горнозаводской и горнодобывающей промышленности.

- Сложно себе представить подобное человека в качестве автора книги, крайне надо заметить, далекой от тематики его профессиональной деятельности...

- Безусловно, но все же, являясь видным государственным деятелем, Скальковский был очень изысканной личностью, такой русский патриот. Его можно назвать истинным русским патриотом. Кроме того, ярым балетоманом, который, можно сказать, был законодателем в этой области. Тогда его слово означало либо приговор, либо успех. Одно вольское брошенное Константином Аполлоновичем словечко могло поставить крест на карьере начинающей балерины.

- Библиотека с радостью откликнулась на ваше предложение?

- Вообще-то для исторической библиотеки не характерно переиздание книг такого рода. В основном она занимается серьезными монографиями, мемуарами, справочниками... Таким образом, пока этот проект стоит особняком. Я думаю, что данная книга будет интересна людям, которые занимаются историей искусства, балета, общественной мысли. Она полна едких комментариев, наблюдений. Мне, например, было очень интересно разбираться, чем в принципе схожие понятия отличают друг от друга в культурах разных стран, религий и т. п. В книге масса примеров, подкрепленных разнообразными источниками.

- Но давайте вернемся к личности Скальковского как писателя. Чем он был интересен публике тогда и что может привлечь в его работах современного читателя?

- Как писатель он был очень плодovit, обладал «легким пером». И не только сотрудничал с журналами, но и постоянно издавал книги о своих путешествиях и наблюдениях. Частично отдельные главы из них вошли и в эту книгу тоже, ее вообще можно назвать антологией его поездок, правда, в узком аспекте «объекта изучения». Отличительной чертой Скальковского всегда являлась прямота: описывая что-либо или кого-либо, он слов никогда не выбирал.

- Да, в его книге «О женщинах» эта особенность отразилась в полной мере. Чем, интересно, обусловлено его подобное отношение? Вы можете что-то рассказать о личной жизни автора? Почему она не сложилась?

- Вероятно, она сложилась, так как и должна была. Как вы уже поняли из книги, женат Константин Аполлонович никогда не был. Зато на протяжении всей своей жизни был окружен самыми прекрасными женщинами, вхож в буддур

пости всех известных актрис Парижа и Петербурга, балетных прим. Скальковский обладал обширной коллекцией, связанной с историей балета, не последнее место в которой занимали балетные туфельки. Обладал яркой индивидуальностью, за словом в карман не лез, что видно из его слогов.

- А с чего вообще начинается работа над комментариями к книге?

- Могу сказать, что работа комментатора очень неблагодарная. Мало кто читает предисловие и смотрит на фамилию его автора. Хотя без такой работы читатель может при прочтении книги столкнуться с непонятными трудностями, так как многое ему будет просто непонятно, начиная от речевых оборотов и заканчивая фамилиями упомянутых людей. В частности, Скальковский при написании своей книги активно использовал издававшиеся в Париже газеты, а также свой личный обширный архив.

Чтобы начать процесс работы над комментариями, для начала необходимо досконально изучить сам текст, попытаться по нему проследить биографию автора. Современный читатель, как мне кажется, разучился работать с книгой. Есть, конечно, пытливые умы, но их меньшинство. Многие молодые люди, читая книгу, не могут по ней составить представление об авторе. То есть они ничего не видят между строк, их внимание полностью сконцентрировано на физическом движении, а духовные переживания остаются незамеченными.

- А что вы лично для себя поняли о Скальковском после прочтения его работ?

- Для меня все было новым. Ведь о нем есть лишь одна небольшая колонка в энциклопедии, а за этой информацией нет человека! Вот, например, интересный факт, многие говорящий о его личности. Константин Аполлонович, намуравившись от клопов, преследующих его по следу во время поездок по разным городам и странам, завещал Академии наук определенную сумму денег на разработку средства от надоедливых насекомых. Это значит, что, несмотря на всю его изысканность, он не гнушался ночевать в местах, нахлесто лишенных каких бы то ни было условий. Интересно и история несчастной любви Скальковского. Пережив сердечную драму, серьезные отношения впоследствии он стал избегать, а может, даже и побоялся. Да и дома-то как такового у него никогда не было, питался в ресторанах, по вечерам ходил на премьеры. Возвращался к кабинету, чтобы поспать и поработать в кабинете. Такая жизнь для критики, а впрочем, у него было предостаточно, что делало его неуниверсальным человеком. Поэтому, несмотря на то, что он очень много сделал для государства (налаживал связи с зарубежными банками, создавал акционерные общества для финансирования шахт и рудников), недоброжелатели распространяли слухи, что он подкупленный и вообще готов Родину продать. А он был, конечно, патриотом.

- Из его биографии видно, что Константин Аполлонович на определенном этапе своей жизни в корне изменил свое отношение к прекрасной половине человечества. Если поначалу он восхвалял женщинами-писателями, одобрял желание женщин обрести права наравне с мужчинами, то потом стал ярким противником феминизма?

- Именно поэтому книга и называется «О женщинах. Мысли старые и новые». Но его взгляды во многом были обусловлены общественным движением. Ведь женский вопрос в России стоял очень жестко. Не было, наверное, ни одного журнала, который не разрабатывал эту тему. Одни говорили об эмансипации женщин, другие о раскрепощении, третьи, наоборот, видели в свободе убожество, стремление женщины забыть о семье, даже разврат.

- Однако, как мы видим сегодня, ничего ужасного не произошло. Исчерпывающее большинство женщин так или иначе стремятся к созданию домашнего очага, рождению ребенка...

- Эта книга рождает много мыслей на этот счет. Я думаю, что Скальковский до конца не высказал свою позицию. Тем более, что одна глава у него так и осталась недописанной. Хотя можно предположить, что он скорее всего, несмотря на собственное женское окружение, склонялся к мысли, что представительницы прекрасного пола обязаны всех себя посвятить мужу и детям.

Эта книга наглядно показывает, что, несмотря на то, что вопрос о месте женщины в обществе был поднят очень давно, тема остается актуальной и по сей день, и желающих поспорить на этот счет предостаточно.

Юлия НИКОЛЬСКАЯ.

Финалисты известны

«большая книга»

В список финалистов вошли: М. Галина «Медведки», Д. Гранин «Мой лейтенант...», А. Григоренко «Мабэт», В. Губайловский «Учитель цинизма», А. Дмитриев «Кресты и тинайджер», А. Кабаков, Е. Попов «Аксенов», В. Манин «Две сестры и Кандид», С. Носов «Франсуаза, или Путь к ледику», В. Попов «Плясать до смерти», З. Прилепин «Черная обезьяна», А. Рубанов «Стыдные подвиги», А. Степанова «Женщины Лазаря», архимандрит Тихон (Шевкунов) «Несвятые

святые» и другие рассказы», Лена Элтанг «Другие барабаны».

Всего была представлена 401 работа из Волгограда, Владикавказа, Москвы, Нижнего Новгорода, Подольска, Санкт-Петербурга, Донецка, Вильноса, Киева, Парижа, Оберны (США). В седьмом сезоне в финал вошли 46 произведений, в том числе три рукописи. Председатель совета экспертов Михаил Бугор считает, что в этом сезоне процесс выбора кандидатов в список финалистов был сложнее, чем в предыдущие годы. Имена трех лауреатов жюри премии назовет в ноябре.

А. Е.

Непростые числа Медицины

открытия

Признаться, мне не нравится прием, неадекватно эксплуатируемый некоторыми изданиями, когда читателя завлекают надуманной точностью подсчета вроде «сто великих имен», «тридцать рецептов успеха», «десять секретов счастья» и тому подобное. Очевидно, что в любом из подобных сюжетов «калькуляция» притянута за уши и преследует единственную цель - зацепить глаз, не станет же кто-то всерьез утверждать, что великих имен у человечества ровно сто, а секреты счастья строго пронумерованы, и количество их сосчитано раз и навсегда? Нет, конечно. Но магия цифр, похоже, действует безотказно: читатель вновь и вновь охотно соглашается сыграть в эту игру, в которой счет ему называют с самого начала.

Книга **Мейера Фридмана и Джеральда Фридланда**, русский перевод которой недавно вышел в московском издательстве «Колибри», построена именно на таком принципе: число, очерчивающее круг ее тем, безапелляционно вынесено в заголовок: «Десять величайших открытий в истории медицины». Числом же авторы и завершают свой труд: «Как бы хотелось узнать, - пишут они в финале, - какими окажутся следующие десять выдающихся открытий?». Можно подумать, им мало зацепить читателя обложкой, они усиливают эффект последней фразой: известно ведь, что слова, сказанные под конец, всегда запоминаются особенно четко. Но как раз такая настойчивость заставляет усомниться в том, что для авторов апелляция к числам - всего лишь стилистический маневр. Похоже, они и в самом деле решили выстроить собственный рейтинг, а дабы исключить упреки в субъективности, по возможности усложнили «игру с числами».

Сделано это не без юмора, что в общем-то примиряет с безоговорочностью вынесенного в заголовок вердикта: десять величайших открытий в истории медицины - и точка. Кто бы сомневался, что их гораздо больше? Авторы книги даже попытались сосчитать, сколько: «Из более чем пяти тысяч открытий, сделанных в западной медицине...» - читаем в предложенной нам своеобразной методике подсчета.

Уже легче, тем более что из этого количества - более пяти тысяч - авторы вывелили сначала сотню работ, потом сузили число до двадцати пяти и после долгих споров друг с другом выбрали «десять самых важных, эпохальных событий». А чтобы у читателя было доверие к сделанному выбору, на него обрушивают целую лавину цифр.

Для начала известные американские врачи - кардиолог Мейер Фридман и радиолог Джеральд Фридланд подсчитывают, сколько лет каждый из них отдал изучению, практике и преподаванию медицины. Получилось, что один - сорок шесть, и их суммарный стаж в медицине составляет сто двадцать лет. Все эти годы оба занимались научными исследованиями и опубликовали в общей сложности более пятидесяти статей и полдюжины книг. Выразив надежду, что такая биография дает им основания рассчитывать на хорошее знание истории медицины, авторы обращаются к «внешним рецензентам» и сообщают, что обсудили составленный список с тремя биохимирами, специалистами по физике на продаже старинных книг по медицине, затем показали его четырем врачам, страстным коллекционером редких и важных медицинских публикаций. Следом они опросили тридцать врачей из Стэнфордского университета и Медицинской школы Калифорнийского университета. Наконец, последовала беседа с двумя президентами - Университета Джона Хопкинса и Йельского университета.

Но и на этом фейерверк

цифра не заканчивается. Правда, он последует уже в заключительной главе, после того, как читателю последовательно расскажут десять обещанных историй по величайшим открытиям. И тут уже авторы предлагают вместе с ними заново выстроить рейтинг величайших открытий, а затем подсчитать, сколько раз открытие предопределяла удача и сколько - закономерность, как распределяется число величайших открытий по странам, дает ли оно основание говорить о преимуществе какого-либо политического и социального устройства общества для продвижения науки... Впрочем, к заключительной главе условности этой «игры в числа» становится абсолютно прозрачной, ибо здесь рассказанных историй неким образом не ограничиваются десятком именами. Книга рассказывает не только о персонажах, которые стояли у истоков того или иного величайшего открытия, но и о тех людях, которые также имели к нему отношение. И вот этот счет оказывается подсчетом более чем сложным.

Самым великим достижением западной медицины, по мнению авторов книги, стало разделение функций сердца и кровообращения в теле человека, сделанное Уильямом Гарвеем, именно он первым догадался, что кровь идет по кругу. На второе место они поставили точное описание тканей и органов человеческого тела, предложенное Андреем Везалием, что стало основой формирования современной анатомии человека. К величайшим вехам медицины отнесены также описание бактерий Антони Левенгуком, проведение вакцинации Эдвардом Дженнером, использование обезболивания в хирургии Кроуфордом Лонгом, открытие Х-лучей Вильгельмом Рентгеном, получение антибиотиков Александром Флемингом, введение понятия культуры тканей Россом Гаррисоном, а еще - открытие ДНК и холестерина.

Эта глава наверняка будет особенно интересна российскому читателю. Не только потому, что речь идет о нашем соотечественнике. История открытия холестерина - один из многочисленных сюжетов, вызывающих, как подчас отодвигается в тень имя того, кто был у истоков идеи.

К этому можно добавить, что Николая Анничкова отрезали от общения с коллегами в других странах сначала в 1-й мировой войне, затем гражданская, а потом и «железные занавесы». И все-таки именно западные ученые первыми стали развивать идеи Николая Анничкова, а сегодня все больше кардиологов во всем мире убеждены в правоте исследователя, утверждавшего, что холестерин, поступающий в организм человека с пищей, способствует развитию атеросклероза...

История с открытием холестерина - одно из ярких свидетельств того, как непросто пробиваются великие идеи, как порой драматично складываются их судьбы. В той или иной мере это касается любой темы, которую затрагивает эта книга, так что она не столь проста, как может показаться по дежурному названию с эксплуатацией магии чисел: разговор-то выходит далеко за рамки «десяти величайших открытий в истории медицины»!

Виола ЕГИКОВА.

Переступить грань

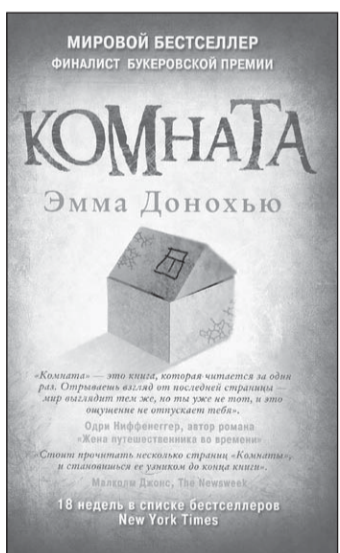
переводы

Сколько может выдержать человек? Где та грань, за которой нет ничего, кроме неизбывной тоски и отчаяния? Как выжить в нечеловеческих условиях, не просто выжить и существовать, а стараться сделать каждый свой день похожим на полноценный день свободного человека? Об этом задумываешься, читая роман «Комната» Эммы Донохью (издательство «Центрполиграф»).

На заднем дворе невзрачного дома стоит ничем не примечательный сарай. Стоит себе и стоит, и никому не приходит в голову, что здесь уже семь лет томится молодая женщина, которая здесь же родила от своего мучителя ребенка. И, несмотря ни на что, любит сына больше жизни и старается воспитать так, чтобы он был как можно более развит. Пятилетний Джек счита-

ет до миллиона, белко читает и знает много об окружающем мире. Но он думает, что все за пределами их комнаты - это открытый космос и нет никого, кроме них с Ма. Этот одаренный и очень образованный для своих лет мальчик будет совершенно беспомощен в окружающем мире, когда им все-таки удастся сбежать. Удастся ли? До какой степени отчаяния надо довести женщину, чтобы она предложила своему пятилетнему сыну, изобразив мертвого, вернуться в ковер, и когда маньяк-похититель поедет его хоронить, выпрыгнуть из машины, чтобы позвать на помощь. Как нужно воспитать своего ребенка, чтобы он не заплакал, не испугался, а испугавшись, даже сквозь страх, бежал и звал о помощи вместо того, чтобы сдать на волю похитителя?

Достаточно ли у пятилетнего ребенка гибкая психика, чтобы забыть о своей жизни в запертой комнате и адаптироваться к окружающему миру, стать полноценным членом общества? А хватит ли у родственников и друзей терпения и старания помочь мальчику и его Ма в этом, ведь семь лет в заточении не могут пройти

бесследно для взрослого человека? Читаешь книгу и будто пьешь маленькими глотками обжигающий коктейль из сострадания, сожаления и подспудного страха, ведь подобное может случиться с каждым, никто в наше время не застрахован от такого поворота событий. Примеряешь на себя: а смогла бы я? Справилась бы? Или сломалась, превратившись в безвольное растение, обреченное на медленное и беславное увядание?

Порой мы не совсем верно распоряжаемся своим временем, свободой и теми возможностями, которые нам даны. После прочтения этой книги невольно задумываешься: так ли ты распоряжаешься своими возможностями и свободами или тратишь свое время и силы впустую? Берегитесь себя, свое время и своих близких, это, на верное, и есть самое важное, что человек может сделать для себя и того, кто рядом.

Яна КАТНАЕВА.

Сладкий наркотик женской судьбы

впечатления

Роман **Татьяны Трониной «Белла, чао!»** (издательство «Эксмо») поэтичен и динамичен. Главная героиня Белла Сергеевна живет в далеком поселке Юрга, в Москву приезжает по воле судьбы в поисках брачного афериста, соблазненного ее сестрой. Находит его неожиданно, когда он, собственно, уже не нужен, и без него все ясно. Просто на него выводит прихотливая сюжетная линия. Главное в романах Трониной - это характер героини. И вправду очень бы хотелось, чтоб в жизни были подобные женщины.

«Белла - природное существо. Стихия. Она не добрая и не злая, не умная и не глупая. Она как вода в реке - по весне всплывает и разливается, затопив поля, а потом вновь уходит в свои берега, станет ленивой, аморфной, зимой же замрет «МОСКОВСКАЯ ПРАВДА», 4 июня 2012 года, 6-я стр.

навсегда, превратившись в лед. А следующей весной опять начнет буйствовать... Поэтому разве можно обижаться на воду в реке? Даже если снег и затопит все дома в округе, заполнит легкие человека, уберет все живое... Она не виновата. Нет смысла обижаться и на жгучее солнце, когда бредешь через пустыню. И ветер, сносящий все на своем пути, тоже ни в чем не виноват... Стихия не жлет, не ищет выгоды».

Характерной чертой героини Трониной, а может и самой писательницы, является ее отношение к Пикассо: «Мне не нравился Пикассо. И знаете почему? Я вам сейчас такое скажу... Кошущенное! По-моему, Пикассо ненавидел женщин! Он рисовал их такими чудовищами... И все остальное, что он делал, тоже такое страшное... Холодное, знает? Как будто он головой, рассудком все это придумал!»

Романы Т. Трониной - не для тех, кто ищет в книгах правду жизни, рецепты бытия для реализации их в собственной реальности. Скорее наоборот, «мелодию любви» - сладкий наркотик качественных женских романов с хорошо выписанным сценарием, четкой понятной фабулой и вкраплениями в текст авторских афоризмов.

Т. Трониной мыслями своей героини представляет Москву в образе женщины - крепкой и плотной, но толстой, но ширококопчатой. Образ, как известно, деревенский, но воспринимается живо и свежо, потому что героиня примеряет образ на себя, и у нее получается.

Основа мелодрамы - точка невозврата. Это уже истина от второго главного героя, сценариста Африкана. В его предположении его почитательницы - тупые бабы, которые обожают мелодрамы, розовые сопля, фантастику про красивую любовь.

Белла объяснила реакцию Африкана по-своему, по-женски, и заодно увидела собственное восхищение его творчеством в новом свете. Тем самым автор умело подает в своем, безусловном, женском романе саму тему популярности неодолимого жанра, снимая ее боль сентиментального романтизма - наследственного от «Бедной Лизы» Карамзина.

Лев МОСКОВКИН.

На сквозняке времени

Писательница **Наталья Владимировна Баранская** покинула наш мир семь лет назад, когда совсем рядом был ее самый главный юбилей. Чего греха таить, почти роторазе XX века ее, на мой взгляд, сенсационной книги с откровенно символическим названием «Странствие бездомных». Ныне не могу не вернуться к истории этой редкой литературной работы, а также ее предшественницам, и личности самого автора. Есть для таких погружений в незабытое прошлое важные поводы.

Первый повод - мой личный долг перед Н. В. Баранской. На исходе ее творческого пути долетел до меня упомянутый толстый томик с теплым пожеланием: «На суд строгий и добрый». Как радостно вспомнилась в тот момент наша самая первая встреча! Мне, молодому журналисту, повезло тогда угораздило этого безумно занятого человека принять меня в недавно открывшемся Музее А. С. Пушкина, где она занимала видное руководящее место. Попробовали познакомиться, но ввиду занятости не удалось познакомиться поближе. До сих пор корю себя, что не успел по горячим следам той беседы напечатать что-то более весомое, чем небольшой газетный материал... А сказать необходимо было многое! Впрочем (теперь-то это особенно ясно), ряд главных событий ее биографии был еще впереди. Она стала знаменитой почти через десятилетие после нашей встречи, когда вышла ее повесть «Неделя как неделя». Журнал «Новый мир», редактором Александром Трифоновичем Твардовским, не боялся напечатать эту драматическую сагу о повседневной борьбе москвички с заботами быта. Ценители словесности отметили: писательница смело поставила русскую прозу на службу женского вопроса. Некоторые критики объявили ее феминисткой, открывшей «невроз эманипации». А она оставалась самой собой, сосредоточенной над собственными темами...

Многие москвичи знали и до этого, что представляла собой Наталья Владимировна, но те, кто не ведал о значении этой фигуры, конечно, должны были поразиться, как этот достойный человек прошел отмеренные ей годы, не согнувшись, не перевернувшись. Но в этом было не так уж много паразитического.

Внучата племянница русского писателя-философа В. В. Розанова окончила престижные Высшие литературные курсы, где собралась талантливая молодежь, и была заметным работником Государственного литературного музея, поскольку к этой юбилейной пушкинской кампании 1937 года была весьма важна ее деятельное участие в создании знаменитой выставки, посвященной памяти великого русского поэта. После создания Государственного музея А. С. Пушкина в бывшей городской усадьбе Хрущевых-Селезневых на Кропоткинской улице (ныне Пречистенка) Наталья Владимировна стала заместителем его директора А. З. Крейна. Она внесла значительный вклад в формирование экспозиции музея, пополнение его фондов, углубление музейной темы «Пушкин и Москва». При ней был заложен фундамент научно-просветительской деятельности этого оригинального культурного центра, пользующегося большой популярностью среди москвичей.

В конце 1950-х годов Наталья Владимировна отказалась присоединиться к подлинному письму, осуждающему Б. Л. Пастернака, в связи с чем немедленно испытала на себе недовольство конформистски настроенных коллег. После проведения в стенах музея вечера памяти А. А. Ахматовой, показа его гостям выставки, негативно воспринятой властями, была, как организатор этих мероприятий, в 1966 году вытеснена

со своей должности и надолго стала безработной.

Но она не сдавалась. Среди исторических произведений о пушкинской эпохе, включенных ею в сборник «Портрет, подаренный другу» (1983), выделялась написанная ранее повесть «Цвет темного меда. Плате для госпожи Пушкиной». Цензурные послабления позволили ей выпустить в 1989 году роман «День поминаний», в 1990 году появилась ее «Автобиография без умолчаний».

Но главный сюрприз она преподнесла своим читателям чуть позднее - в дни своего девятидесятилетия. Ее Наталья Владимировна отметила так, как и в мечтах литератора не привидится. Из типографии в тот день привезли только что вышедшую ее книгу «Странствие бездомных». Этот большой том - отличная бумага, превосходного качества иллюстрации, высокохудожественная суперобложка и прочие радующие глаз шюризы полиграфии и художественного оформления - был действительно новой книгой! То есть она не была никаким собранием «избранных» произведений, сборником бывшего в употреблении мыслительного материала, а полностью свежим произведением. Цельным, выстраданным, развернутым в сторону будущего.

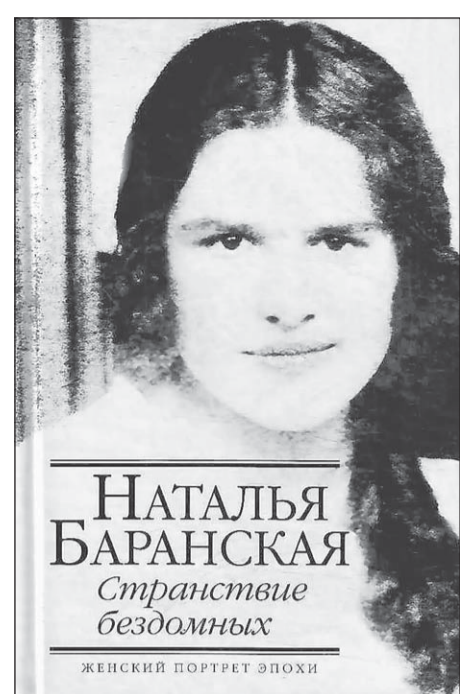
И это особенно потрясает, проникнутое высочайшим напряжением чувств, которое и молодого-то труженика пера способно посрамить. Впрочем, такая опасность многим не грозила, ведь Наталья Владимировна писала о пережитом ею самой. Для порождения такого эпического повествования силою воображения необходимо как минимум некто похожий на классика. Да и то не на каждого, а на такого, какой безраздельно предан семейной теме, способен охватывать коллизии эпохи незаурядной мощью аналитики и чутым художника, прошедшего лабиринтами сложной судьбы. Ее суждения, сомнения и выводы сплавлены в прозрачные новеллы о пережитом и пережитом, радостном и грустном, о человеческих открытиях и горьких потерях. Груз описаний Н. В. Баранской не в тягость, и поэтому мы имели возможность подробнейшим образом увидеть будни нашего старшего поколения, детально вынырнуть из его заботы, психологию и культуру.

Баранскую надо читать неспешно, пристально вчитываясь в дали ее произведений. Своим читателям Наталья Владимировна всегда давала обильную пищу для собственных размышлений. Хотя писала она о своем продуваемом сквозняком времени, о семье, доме и собственной душе - об этих сокровенных храмах, оскорбленных и ограбленных, о мучительно переживаемых потерях близких и родных, уходе из жизни традиций и радостей, казалось бы, незамысловатых.

Завершила она свой творческий путь работой над произведением о причинах дули и гибели А. С. Пушкина. Это сочинение открывало посмертную книгу писательницы, соединившую все ее работы на пушкинскую тему.

Отечественная литература знает немало примеров писательского долготелания. Упомянем лишь некоторые: Мариэтта Шагинян с ее ленинградкой, Ольга Форш с историческими романами из Павловской и Николаевской эпох, Анна Антоновская с многомотомым «Сказанием о великом Моурави». Из этого ряда Н. В. Баранскую

судьбы

выделяет одно существенное обстоятельство. Наряду с приверженностью к одной из главных тем своего творчества - пушкинской - она наглядно проявила в повести «Три карты» творчество формы и концептуальный подход в содержании.

«Три карты» - сочинение, посвященное гибели поэта, а карты пиковой масти символизируют в нем людей, подброшенных злым роком в последний расклад, в последние годы жизни Пушкина, и очернивших своими интригами его имя, сломавших его силы.

Жанр произведения с трудом поддается определению. Скорее всего «Три карты» можно назвать художественным исследованием, сюжет и логика которого заданы самим предметом анализа - письмами Жоржа Дантеса.

Интуиция и вымысел соединились и в повести «Цвет темного меда. Плате для госпожи Пушкиной», где речь идет о самой Наталье Николаевне, удалившейся в деревню после гибели мужа. Изображая жену поэта живую, страдающую от осознания своей невольной вины и тоскующую, Баранская пересматривала представления о ней, оканчивая на долгое время. Ее Наталья Николаевна - не кукла и бездушная кукетка, а живая, привлекательная, душевно мягкая, наивная женщина с несчастливой судьбой.

Теплом подлинной жизни и глубоким сочувствием к судьбе поэта пронизана эта маленькая повесть. Неслучайно пушкинист Я. Л. Левкович назвал «Цвет темного меда» самым ярким и интересным произведением в художественной пушкиниане после прозы Ю. Н. Тынянова.

Когда колокол Великой Колыхали Бития отмерил сто ударов в честь ее памяти, мне привелось быть счастливым участником вечера, посвященного знаменательной дате Н. В. Баранской. На этом собрании в музее поэта на Арбате, 48, состоявшемся благодаря попечению близких людей Натальи Владимировны, мне довелось услышать немало добрых слов и теплых обращений к итогам ее работы и творчества. Это был настоящий праздник культуры, науки и искусства! И вот приспел новый закономерный повод обратиться к памяти Натальи Владимировны, к испытаниям, выпавшим на ее долю. Выпущено новое издание «Странствие бездомных», которое повторяет содержание прежнего тома. Но только этим дело не ограничивается. Существенным дополнением к известному тексту теперь служат послесловие, вышедшее из-под пера сына автора, - журналиста и политолога Николая Николаевича Баранского. Это важное прояснение ряда подробностей деятельности Н. В. Баранской как литератора и подвижника гуманитарной культуры, человека вдумчивой жизненной позиции. Здесь читатель встретит не только характеристики близких ей людей, но и порой весьма немаловажные комментарии, в основе которых лежат донесенные до нас личные оценки и мнения Н. В. Баранской.

Николай МИТРОФАНОВ.

Роман с историей

проза

Для внимательного читателя это имя уже известно. Ему принадлежат шесть книг славянской фэнтезийной саги «Рождение волшебницы» и роман из современной жизни «Тайна переливки». Новое произведение переносит нас в XVII век, во времена царствования Михаила Федоровича. Но не царь и не его окружение в центре романа. События развиваются на степной границе Московского государства, где не прекращается изнурительная война с татарами. Все дальше на юг возводятся стены городов, становящихся полуостровами. Здесь свои законы, а значит, своеволие и беззаконие, поскольку до царя далеко, а местная власть, как пишут отчаявшиеся люди в «любительной», князь Василий, ставивший со своими советниками с Лукой Дыриным да с Петром Кашиным и с товарищами, хотя твою государеву вотчину до конца разорить и нас, холопов и сирот твоих, конечно погубит, не радея тебе, государю царю». Для тех, кто поотважнел, кого такела подневольная жизнь додела до ручки, остается одно - пытаться счастья в вольной казачьей доле.

В один из таких окраинных городков Рязжеск сослан польский подьячий Федор. Чем не угодил на прежней службе? Сослали за дело: разврат, пьянство, пристрастие к игре в кости. Короче - подальше от столичных соблазнов. А по всему получалось, что паренек обладал неплохими талантами,

правда, его сестренка-близнец Федора была настоящим мастером: «старые отцовские товарищи, создатели и хранители полевой школы чистописания, только диву давались, могли они, истинные таланты, могли оценить тонкость росчерков, намеренную прочность толстых размашистых линий, которые удерживали в порядке и строили словесную вязь. Федора владела искусством редким, освоила три почерка - отцовский, братин и свой, «чтобы совсем не утратить лицо, растворившись в почерке, не во всем продуманном, лишнемом настоящей свободы, ибо не раз вынуждена она была останавливать полет пера, применяясь к уровню и возможностям брата».

Телефон для связи: 8(499)259-10-15 e-mail: egorunin@mospravda.ru

КНИГА В МОСКВЕ

НАД НОМЕРОМ РАБОТАЛИ:

Руководитель проекта Александр Егорунин

Макет: Оксана Мерзликина

Верстка: Елена Смойкина

Корректура: Ирина Куткина

Иллюстрации: Александр Акулишин